

РАМИ БЛЕКТ

ПУТЕШЕСТВИЯ
В ПОИСКАХ
СМЫСЛА ЖИЗНИ
И СВОЕГО ПРЕДНАЗНАЧЕНИЯ

ИСТОРИИ ТЕХ, КТО ЕГО НАШЕЛ

Рами Блект

**Путешествия в поисках
смысла жизни. Истории
тех, кто его нашел**

«Благо-Дарение»

2015

УДК 17
ББК 87.711.7

Блект Р.

Путешествия в поисках смысла жизни. Истории тех, кто его нашел / Р. Блект — «Благо-Дарение», 2015

Первое место премии «На благо мира». Книга включает в себя два самостоятельных произведения с общими героями, за которыми стоят реальные истории обычных людей. Замечательная поучительная книга о встрече Учителя и Ученика, поиске и обретении смысла жизни. Книга будет интересна всем читателям. Каждый, кто выбрал путь личностного роста и самосовершенствования, найдет в этой книге ответ, подсказку, вдохновение, поддержку для себя и сможет качественно улучшить свою жизнь.

УДК 17
ББК 87.711.7

© Блект Р., 2015
© Благо-Дарение, 2015

Содержание

Вступление	5
Глава I	10
Глава II	12
Глава III	14
Глава IV	18
Глава V	21
Глава VI	24
Глава VII	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Рами Блект

Путешествия в поисках смысла жизни

Истории тех, кто его нашел

Вступление

Эта необычайная история, изменившая мировоззрение и жизни многих людей, началась в салоне первого класса самолета, который совершал полет через Атлантику на другой континент (Лондон – Торонто). Я зашел в салон самолета и сел на свое место, рядом со мной сидел мужчина, читавший газету на русском языке, непонятно как к нему попавшую. Я подумал: «Значит, он русский... или русскоговорящий».

И уже непосредственно перед тем, как трап был поднят, в салон первого класса зашли еще несколько человек. Первый – мужчина необычной внешности, именно необычной, – сложно было определить, кто он по национальности. Густая шевелюра седых волос, мудрый взгляд, неглубокие морщины вокруг глаз, – ничего из этого не помогало определить его возраст, но на вид ему было точно за 40, от него веяло спокойствием. Второй – мужчина с ребенком. Он сел передо мной. Последней вошла красивая девушка, сексуально и броско одетая. Они расположились недалеко от меня.

Этот первый, Мудрый, как я его сразу назвал про себя, сел через проход от меня, мужчина с ребенком и девушка – впереди. От меня их тоже отделял проход.

Девушка, как только зашла, попыталась поставить небольшую сумку наверх, в отделение для ручной клади. Она ждала, что ей все бросятся помогать. Такое отношение к жизни бывает иногда у красавиц, избалованных всеобщим вниманием, привычкой к частым предложениям познакомиться и помочь при малейшей возможности. Но сумка была небольшая и легкая, а энергетика девушки была отталкивающе-негативной, и помогать ей не хотелось, тем более видно было, что это ей не так уж и нужно. Ее внешняя кокетливость быстро сменилась нескрываемой злостью и раздражительностью.

Все расселись по местам. Объявили, что мы сейчас взлетим. Самолет вырулил к взлетной полосе, но из-за ее загруженности мы простояли в ожидании почти час, что довольно редко, но бывает, к сожалению. За это время произошли интересные события.

В первую очередь я обратил внимание на Мудрого. Он спросил у стюардессы, во сколько мы приблизительно прилетим, с учетом опоздания. Когда она ему назвала ориентировочное время прибытия, то на лице мужчины на секунду отразилось замешательство. Учитывая почти двухчасовое общее опоздание, ему грозила ночь в аэропорту Торонто. (По прилете ему нужно было пересаживаться на другой рейс, следующий в один из городов США.)

Интересно было то, что мужчина выглядел умиротворенным и невозмутимым. Он довольно спокойно посмотрел на часы, хотя и опаздывал на какую-то важную встречу или конференцию, что стало понятно из его разговора с девушкой. Также стало понятно, что у него нет канадской визы и, следовательно, из аэропорта его не выпустят даже в гостиницу, а следующий нужный рейс будет только после обеда на следующий день.

Я обратил внимание на то, что человек излучает спокойствие, несмотря на опоздание, и на то, как он реагирует и принимает события: совершенно без раздражения и претензий. Позже я узнал, что трех наших героев очень серьезно и довольно бесцеремонно проверяли в аэропорту и они вообще чуть не опоздали на наш самолет. Но и это обстоятельство не нарушило его внутреннего спокойствия.

* * *

Параллельно было интересно наблюдать за мальчиком. Ему было пять лет, хотя сначала я подумал, что ему лет восемь – десять. У него был необычайно умный взгляд, мудрый для ребенка, он довольно громко и настойчиво задавал вопросы своему папе, который еще толком не отдышался и выглядел несколько потрепанным и недовольным, но все же спокойно отвечал сыну.

– Папа, почему мы стоим?

– Потому что самолет задерживается, потому что другие самолеты нарушили график. Много самолетов взлетает, много садится. Взлетная полоса занята.

– А почему? Почему так получилось?

– Иногда так бывает.

– Почему мы этим самолетом полетели? Мы же могли полететь другим. Ведь оставалось еще две недели каникул, и мы могли их прекрасно провести у бабушки.

– Мне нужно работать.

– Зачем нужно работать?

– Чтобы было на что жить и всегда было что покушать.

– Зачем жить? Зачем мы живем? А какой смысл? Вот у тебя, папа, какой смысл? Ты знаешь свой смысл жизни?

До этого мужчина отвечал очень уверенно, но в этот момент он запнулся.

– ...Ну... да... ну, знаю... Вырастешь – поймешь.

– Ну какой, папа, какой? Скажи!

И тут мужчина стал говорить какие-то общие фразы, но ребенка они не устраивали, и он всякий раз задавал этот все более ставящий в тупик отца вопрос: «А зачем?» Зачем торопиться, зачем тяжело работать, чтобы заработать, зачем исполнять свои обязанности, зачем помогать людям и т. д. и т. п.

Было достаточно забавно наблюдать за всем этим. И в итоге вновь:

– Папа, ну зачем мы живем? Зачем все это, какой смысл?

Мальчик несколько раз задал этот вопрос.

– Ну, я до конца еще не знаю, да и, думаю, мало кто знает...

Ребенок чуть не заплакал:

– Что же, все живут бессмысленно, даже ученые? Зачем рождаться, учиться, потом работать, потом стариться и умирать?

– Может, и нет никакого смысла...

Мудрый вдруг на чистом русском:

– Почему же? Есть смысл в жизни.

– Неужели вы знаете? – спросил папа мальчика.

И между ними завязался интересный разговор. Так как они были в метре от меня, то мне все было хорошо слышно.

– Да, я знаю смысл и имею цель в жизни, – сказал Мудрый.

Он так уверенно и спокойно это сказал, что я почувствовал, что говорит он это осознанно, вселяя веру в свои слова.

Папа мальчика спросил:

– Вы, наверное, нашли свой смысл жизни?

– Нет, я знаю общий смысл жизни для всех людей, на мой взгляд. Также у каждого из нас есть свое предназначение, и очень важно каждому человеку найти его.

И когда Мудрый произнес слово «предназначение», наши герои – мужчина и девушка – заинтересовались. Последняя, как выяснилось, тоже говорит по-русски. Я уже не раз замечал, что если девушка такая красавица – значит, славянка.

Мужчина с ребенком чуть ли не в один голос воскликнули:

– Каков же смысл жизни? Какое предназначение?

– Расскажите, расскажите, – чуть не заплакал мальчик.

Мужчина, который сидел рядом со мной, тоже попросил:

– Простите, что вмешиваюсь, но и мне интересно. Расскажите – уверен, это всем интересно. Как вы к этому пришли и как вы считаете, каждый ли может найти свое предназначение?

– Для этого мне надо рассказывать почти про всю свою жизнь – это займет много времени.

Его стали горячо убеждать, что ничего страшного, время есть – все будут только рады.

Наш самолет наконец вырулил на взлетную полосу и начал свой разгон; в это время Мудрый утвердительно кивнул, чем очень обрадовал всех сидящих. Пока самолет разогнался, он откинулся в кресле, закрыл глаза и, казалось, полностью сосредоточился, а когда самолет оторвался от взлетной полосы, он открыл глаза, внимательно посмотрел в окно и начал свой рассказ. У него все получалось как-то грациозно, и при этом казалось, что он полностью погружен в настоящий момент.

Сквозь иллюминаторы был виден потрясающей красоты закат. Облака были красиво окрашены лучами заходящего солнца. Это был последний день зимы. И для всех, кто слушал эту историю, жизнь разделилась на две части – до этой встречи и после.

Мудрый рассказывал очень спокойно, вдумчиво, иногда делая паузы чуть ли не в несколько минут. Рассказ занял около пяти часов с перерывами на еду.

Стюардессы, не понимавшие русского языка, с интересом наблюдали за этой небольшой компанией, которая весь полет не заказывала спиртное: было видно, что им хотелось понять, о чем это рассказывают.

Я встречался с Мудрым уже после этого путешествия, говорил с ним по телефону и с его согласия записал всю его историю. Но все же основой этой книги являются записи самого Артура (это настоящее имя Мудрого), которые он скрупулезно вел, – он отдал мне их копии, попросив только изменить имена главных участников событий.

В результате возникла интереснейшая история, которой я и хотел с вами поделиться.

* * *

Коротко расскажу о попутчиках, с которыми мы в дальнейшем подружились. После того как выяснилось, какая у каждого была история жизни, в очередной раз всем стало понятно, что случайностей не бывает и не случайно Бог сводит людей.

Девушка (будем звать ее Наташей) летела из Европы в Канаду и Америку для участия в каком-то шоу в качестве модели. Она была успешным экономистом, чего нельзя было сказать по ее виду. У нее было запланировано несколько съемок.

В последнее время она все больше чувствовала, что не удовлетворена жизнью. Ей было почти 30 лет, она достигла большего, чем хотела: окончила с отличием престижный институт, получила хорошую работу, где ее очень ценили в первую очередь за то, что она разработала экономическую концепцию, которая помогла подняться ее фирме. Ради интереса решила попробовать себя в модельном бизнесе (сколько она себя помнила, эта профессия всегда считалась самой желанной, большинство девушек были готовы на огромные жертвы ради того, чтобы попасть в эту сферу), куда ее пригласила школьная подруга, работавшая менеджером в крупном агентстве.

Наташа сделала портфолио, которое привлекло внимание нужных людей. Последовало успешное турне по Европе, сейчас еще одно. Казалось бы, исполнилась мечта, были деньги и слава, но присутствовало какое-то чувство неудовлетворенности жизнью.

Она сидела в самолете и думала: «И зачем я живу? Зачем эти путешествия? Мне уже тридцать, а что потом?»

Эти мысли мучили...

«В чем мое предназначение? Зачем я родилась? Неужели все так бессмысленно: просто зарабатывать деньги и всеми путями, подобно моим подругам, достигать славы?»

Ее подруги и коллеги больше играли в красивую жизнь, чем излучали счастье.

* * *

У мужчины, который сидел справа от меня, тоже был интересный случай.

Его звали Сергей. Он рассказал, что размышлял о том, что вторая половина жизни протекает намного быстрее, чем первая, и чем старше он становился, тем больше он это замечал. Год вот только вроде бы начался, а уже к концу подходит.

Всего можно было вспомнить два-три ярких события за текущий год. Это напоминало путешествие на сверхсовременном скоростном поезде, который движется все быстрее и быстрее, хотя в детстве нам казалось, что он медленно ползет. «Почему так, куда этот поезд несется?» – спрашивал он себя, пытаясь найти логичный ответ на этот вопрос.

Но он только больше запутывался. И он пошел по другому пути (который никогда его не подводил), о котором он прочитал в какой-то духовной книге. Он помолился и искренне попросил Бога помочь ему разобраться в этом вопросе, а затем просто стал наблюдать за происходящим и ждать ответа.

Через несколько дней он сел в самолет и увидел в кармашке кресла газету на русском языке с незнакомым ему названием, случайно сохранившуюся после уборки. Это был вестник одного из российских регионов, неизвестно как попавший в Лондон.

Сергея не интересовали новости региона. Он не был настроен читать газеты. Он хотел дочитать книгу, которую сразу по возвращении должен был вернуть другу. Но газета привлекла его внимание. Открыв ее на середине, он увидел большую статью, посвященную сравнению детской и взрослой психики. Статья увлекла его с первой строчки. Там приводилось много интересных фактов.

Оказалось, что дети искренне смеются в день около 400 раз, а обычный взрослый – 10–20 раз максимум, включая и ухмылки. Дети могут заниматься творчеством – рисовать, лепить – просто так, получая удовольствие от процесса. Едва ли вы найдете взрослого, который будет этим заниматься, не ожидая ничего взамен – денег, победы на выставках, славы и т. д.

Дети живут, как правило, осознанно, настоящим, не стесняясь выражать свои эмоции. Ребенку для полноценного развития, кроме здорового питания, внимания и заботы, необходима эмоциональная близость с обоими родителями.

Взрослые живут механически, постоянно мечтая о будущем и сожалея о прошлом, как правило, никогда не бывая в настоящем. Надевая различные маски, они едва ли ответят на вопрос, кто же они есть на самом деле. Дети постоянно задают вопросы и очень открыты к получению новых знаний. У большинства взрослых годам примерно к 40 (правда, приводилась оговорка, что у всех это происходит по-разному: у кого-то еще в школьные годы, у кого к 35–40 годам, а у кого-то только в 80 лет) формируется свое видение мира, свое мировоззрение, от которого они с огромным трудом отказываются, а зачастую этого вообще никогда не происходит. Любое событие они трактуют через свой опыт – менталь-

ный фильтр, через который они смотрят на мир, и редко задают искренние познавательные вопросы.

В этой статье также говорилось о важности воспитания детей, о том, что современная педагогика во многом губительна для детей: их настраивают на результат, прививают свое, весьма относительное понимание хорошего и плохого, погружают всех в усредненные условия, совершенно не дают им практических знаний. Она авторитарна по своей сути и, что самое главное, совершенно не учит моральным и нравственным нормам. Нет подлинной духовной основы, детей учат потребительскому, эгоистичному подходу к жизни, что является катастрофой для личности и для общества в целом. Главная цель современного образования – впихнуть ребенку свод знаний, 95 % которых он никогда не будет использовать и, следовательно, быстро забудет. Лишь бы ребенок сдал экзамены по математике, физике и т. д.

В статье приводились примеры великих педагогов, которые из обычных детей воспитывали счастливых гениев. Назывались имена (А. С. Макаренко, В. А. Сухомлинский, Ш. А. Амонашвили, В. Н. Неуструев и др.), не очень знакомые нашему герою. Сергей захотел узнать о них больше.

Самая главная идея – безусловная любовь. Люди, которые получали ее достаточно в детстве, вырастали гармоничными, здоровыми, со временем превращались в хороших родителей и могли наиболее полно реализовать свой потенциал.

«А в каком возрасте эта безусловная любовь не нужна человеку?» – усмехнулся Сергей, читая статью.

Далее говорилось, что дети часто задают глубокие философские вопросы. Если отвечать им, как взрослым, то они начинают очень быстро прогрессировать. Стоит их послушать – и начинаешь понимать поговорку: «Устами младенца глаголет истина».

Все чаще дети задают вопросы о смысле жизни, и тут очень важно ответить ребенку со всей серьезностью или, если нет уверенности, пообещать ответить через некоторое время, ибо непродуманный ответ может запрограммировать ребенка на всю жизнь, порой даже трагическим образом.

И вдруг произошло нечто очень интересное. Он откинулся в кресле и в ту же секунду услышал, как мальчик задает отцу вопросы: зачем? зачем? зачем? Так и дошли до вопросов о смысле жизни. Отец отвечал с трудом и даже с неким раздражением.

И вдруг мужчина, который сидел через ряд, начал свой рассказ, и его история полностью изменила жизнь Сергея. Это было похоже на чудо: он ведь только закончил читать статью на эту тему, а совсем недавно попросил Бога помочь ему в этом разобраться...

Итак, вот эта история.

Глава I

Юношеские поиски и откровения

Когда Артур еще не научился читать, он задал тот же вопрос, что и маленький Петр в самолете (Петро, как его звал отец). Он задавал этот вопрос снова и снова. Родители отвечали ему: «Вырастешь – узнаешь». И в подростковом возрасте он продолжал задавать вопросы умным людям, которых считал опытными и всезнающими, но никто из них ему не мог сказать, зачем же мы живем.

В итоге он получал общие ответы: «когда вырастешь – узнаешь», «не задавай глупых вопросов», «этого никто не знает», «построить коммунизм», «вырастить детей», «достойно прожить жизнь», «стать примером для подрастающего поколения», «чтобы имя попало в историю» и т. д. и т. п.

Никто не мог ответить конкретно и однозначно. Позже его поразило, что даже духовные лица не могут ответить на этот вопрос, лишь говорят какие-то общие банальные фразы.

Артур не смирился внутри. Интуитивно он понимал, что наша жизнь не может быть бессмысленной. Даже точные науки говорили о том, что у всего есть причина. И даже если следовать логике того, что мы являемся биомеханическими или химическими субстанциями, то и у нас есть какая-то причина рождения и предназначение в этом мире.

* * *

Однажды с друзьями он поехал в горы и в первый же день забрался на самую высокую из них. С этой горы открывался потрясающий вид, который заворожил его. Он увидел прекрасную панораму на многие километры вокруг, вдалеке, на расстоянии нескольких километров от их лагеря, виднелся небольшой городок. Люди в этом городке казались маленькими точками, автобусы выглядели не больше спичечных коробков. Их движение показалось свысока ненужной и смешной суетой, особенно это бросалось в глаза на фоне величественных гор, которые за много десятков тысяч лет видели смену не одной цивилизации.

Вопросы, много лет мучавшие его, вдруг снова резко возникли в голове: зачем вся эта суета? Кто создал эту красоту? Какой смысл во всем этом? Каков смысл в моей жизни и есть ли он вообще?

Дальше произошло то, чего он совсем от себя не ожидал. Он опустился на колени и очень настойчиво обратился к... он даже не смог сформулировать к кому... к какому-то Высшему разуму, к Творцу, который все это создал, – все это величие и красоту. К общению с Ним очень располагала окружающая обстановка и одиночество.

– Если Ты есть, помоги мне разобраться, зачем вся эта жизнь, какой в ней смысл, я не хочу жить в этой обычной суете. Я готов посвятить свою жизнь постижению своего предназначения, познать смысл своей жизни, если он есть; помоги, мне не к кому больше обратиться...

Произнеся это, он почувствовал огромное внутреннее удовлетворение и радость. Рядом красиво запела незнакомая птичка, усиливая это чувство.

Когда он спускался с горы, солнце скрылось за холмом и вдруг резко стало темно, хотя было еще довольно рано. Это очень осложнило спуск, который оказался намного труднее подъема, особенно в темноте. Он чуть не сорвался в пропасть, наступив на вырвавшийся из-под ног камень, и спасло его лишь то, что он схватился за какой-то колючий куст. В течение получаса он, вися над пропастью, медленно продвигался, сантиметр за сантиметром, пока наконец не спустился вниз на плато, откуда путь к палатке был уже совершенно пологий.

В безопасном месте все его тело начала бить дрожь. Он заметил, что до этого действовал в состоянии «здесь и сейчас»: были только гора и он, а прошлого и будущего не существовало. Он помнил каждое мгновение и каждое действие. Когда он наконец спустился, то все еще был под впечатлением от произошедшего. Он вдруг вспомнил, что по дороге им попало несколько могил погибших альпинистов, – это еще больше усилило в нем философское умонастроение.

В таком состоянии он спустился к друзьям, которые довольно горячо обсуждали последние школьные новости.

Он поел, несколько вяло поучаствовал в беседе, забрался в спальный мешок и долго смотрел в усыпанное звездами небо. В горах звезд на небе казалось больше, и они светили ярче и красивее. Он вспомнил, что недавно читал или им рассказывали на уроке, что до этих звезд много миллионов световых лет, и он вновь испытал внутреннее смирение перед этим величием. Чем больше он смотрел на звезды и задумывался над величием всего окружающего, тем большее уважение и трепетное духовное чувство овладевало им.

Вопрос о смысле жизни, вновь обостренный тем, что он только что чуть не погиб, встал перед ним очень остро.

– *Зачем все это? Для чего я родился? Каков смысл и предназначение моей жизни? Я не хочу просто существовать, я готов на все, чтобы познать смысл жизни и жить им.*

И ему, уже засыпающему, вдруг отчетливо послышался голос, как ему показалось, одновременно звучащий внутри и снаружи, который твердо, но в то же время с большой любовью спросил его:

– Ты действительно готов пожертвовать своей жизнью для того, чтобы получить ответы на эти вопросы? Готов ли ты идти своим Путем?

– Да, – произнес он очень уверенно.

Это еще больше усилило в нем чувство непонятого блаженства, ему показалось, что света на небе стало как будто больше и небо ответило: «Хорошо, удачи!» Он смотрел в небесную даль, но через какое-то время все стало тускнеть, и он заснул. Проснувшись утром и сразу погрузившись в суету сборов, он не придавал особого значения этой клятве, но ощущение того, что его поезд жизни изменил и резко ускорил свой ход, свернул на более интересный и вместе с тем рискованный путь, с этого дня не покидало его.

Глава II

Школа жизни началась в школе

Через несколько дней после того, как они вернулись, начались занятия в школе (это случилось в выпускном классе), и вскоре к ним в класс пришла новенькая девушка. Она была наполовину восточной национальности – ее отец был обрусевшим корейцем. Ничем не примечательная, обычная, спокойная и прилежная девушка. Ее звали Лена.

Артур и Лена подружились. В доме ее родителей было очень много книг. Артур, как и Лена, очень любил читать, и у него тоже была дома богатая библиотека. Они стали обмениваться книгами и обсуждать их на переменах. И таким образом быстро нашли общий язык... Среди авторов были и Дюма, и Станиславский, и Станкевич, Джек Лондон, Диккенс и много других имен русской и мировой классики...

Но однажды произошло событие, которое оставило крайне неприятный осадок и прекратило их общение. Через много лет они встретятся, он попросит за это прощения и, получив его, почувствует, что у него словно камень с сердца свалился. Ну, а пока...

* * *

Как-то после обеда они с друзьями были в парке, что при выходе из школы: кто-то сидел на скамейке, кто-то стоял, кто-то курил тайком. Разговоры были о том, какие девушки нехорошие, что нельзя им доверять, что в армию лучше идти, не имея девушки, что дружба может быть только между мужчинами, а девушки – более низкие создания. В общем, мужская (как они тогда считали) бравада...

Вдалеке он увидел выходящую из школы Лену. Они стали громко высмеивать ее. Были первые заморозки, она поскользнулась на ступеньках и упала, прокатившись при этом несколько метров. Вставала она с трудом. Первым импульсом Артура было броситься ей на помощь и остановить насмешки, но он этого не сделал, а тоже стоял, смеялся, хотя и не так громко.

Встав, она увидела, что Артур со всеми заодно. На мгновение она стала еще грустнее, и это было заметно по ее поникшему виду даже издалека. Она с трудом, очень сильно хромая и как-то неестественно подогнув руку, продолжила свой путь.

На следующий день она не пришла в школу. Через несколько дней Артур набрался решимости позвонить ей. Лена не подходила к телефону или, услышав его голос, клала трубку. Ее мама принесла справку в школу, что у Лены серьезная травма колена и запястья, к тому же она сильно простудилась, пока шла домой, и несколько недель точно не придет в школу. Ей наложили гипс, и она самостоятельно училась дома.

В школу Лена вернулась только после новогодних каникул. Но с тех пор они с Артуром практически не общались. Когда он к ней подошел-таки и сказал: «Да ладно... брось...», она посмотрела на него внимательно и спокойно и ответила: *«Важно не то, сколько мы читаем про благородные поступки, а важно, насколько мы умеем дружить, насколько мы благородны и порядочны в жизни. Зависимость от толпы – это удел низших созданий»*.

Слово «порядочны» прозвучало для него очень резко и как-то ново... Ему стало стыдно, хотя она говорила без укора, просто рассуждая. Она говорила о том, что насколько наши знания проявляются в характере, настолько мы по-настоящему и образованны, также нам мешает наша зависимость от стадного чувства и мнения окружающих, а предателей и трусов не любит никто. Мы должны научиться быть хорошими друзьями и просто хорошими людьми, а не начитанными гордецами и трусами.

Он скорчил рожу, пытаясь все перевести в шутку, но она, грустно посмотрев на него, ушла, оставив его с еще большим чувством какого-то внутреннего омерзения.

В ближайшие месяцы он посмотрел несколько фильмов, во всех них рассказывалось о дружбе, благородстве и порядочности и высмеивались трусы и предатели. Книга «Два капитана» В. Каверина особенным образом подействовала на него, и он дал себе слово, что будет благородным и никогда больше никого не предаст и не подведет.

Он закончил школу, но этот урок запомнил надолго. И в дальнейшем он старался быть благородным и никого никогда не подводить и не предавать.

Глава III

Из бедного студента – в богатого предпринимателя

Артур довольно неплохо закончил школу благодаря тому, что с февраля родители наняли репетиторов, – они мечтали, чтобы сын поступил в хороший институт. Он много занимался и при поддержке отца поступил в престижный московский вуз, чем очень обрадовал родителей, вызвав у них здоровое чувство гордости.

В первый год обучения нагрузка была очень большой, на второй год появилось больше свободного времени, и он стал вместе с друзьями посещать различные вечеринки, но это его не особо веселило и привлекало.

Суть вечеринок была в бездумном веселье, в том, чтобы напиться, довольно пошло нашутиться и провести ночь с какой-нибудь девушкой, лишенной каких-либо моральных норм. Наутро, просыпаясь с человеком далеко не любимым, он не ощущал внутреннего удовлетворения, а скорее – опустошение и тупость в голове. Он задумался: неужели в этом смысл жизни?

Ради нескольких минут животного секса нужно было ехать на другой конец Москвы, дышать табачным дымом, пить невкусный алкоголь, слушать пошлые шутки, поддерживать глуповатые разговоры, кого-то критиковать и обсуждать последние сплетни.

И он предпочел ходить по театрам и встречаться с интересными людьми, что вызывало ухмылки у многих его однокурсников, но его это не задевало.

Также его заставляли задуматься о смысле жизни институтские преподаватели. Таких людей невольно воспринимали как лидеров, ожидалось, что они должны были знать ответы на многие вопросы и способствовать процветанию общества.

В институте они получали хорошую зарплату, им предоставляли многие льготы и было достаточно легко получить научные звания, поэтому многие преподаватели, в прошлом выпускники этого вуза, стремились работать здесь после окончания учебы. Или, проработав где-то длительное время, возвращались на преподавательскую должность в родной институт. Артур наблюдал за ними и видел, что они были не самыми счастливыми людьми.

Чтобы попасть на кафедру, некоторые из них пользовались не очень красивыми приемами: рассказывали друг про друга нехорошие вещи, подсиживали своих коллег, всеми путями старались остаться, используя свои связи.

Со временем они становились злее и неудовлетворенней, многие начинали выпивать, несмотря на растущую зарплату и высокие звания. Только двое преподавателей отличались каким-то спокойствием и умиротворением, видно было, что их не очень беспокоит эта «материальная научная гонка». И у них были хорошие семьи.

Один из старших преподавателей его удивил. Он читал лекции по научному коммунизму и много говорил о нравственности. А в самом начале перестройки ушел из института и открыл рядом с ним кабак – зарабатывал деньги, продавая спиртное студентам и участвуя в различных аферах.

Артур размышлял над всем этим не раз и задавал вопросы преподавателям о смысле жизни. Ему говорили, что смысл в том, чтобы состояться социально. «Мы должны стать социально успешными личностями, состояться профессионально, стать, например, инженером, военным, врачом, руководителем...»

Такой подход был не нов для него, ведь и в школе учили подобному. «Ну, хорошо, – думал он, – я посвящу 20–30 лет своей жизни тому, чтобы стать вот таким уважаемым профессором. И в этом заключен смысл жизни?»

А однажды он был на встрече с известным артистом, достигшим всего, о чем он только мог мечтать в своей карьере: славы, денег, поклонников... И тот сам признался, что с каждым днем ощущает себя все менее счастливым, хотя у него очень нескудная жизнь, а его гонорары, как и поклонники, быстро увеличиваются.

Это хоть и заставляло Артура задумываться о своей дальнейшей судьбе, но он все равно понимал, что важно для начала окончить институт, а потом уже что-то кардинально менять.

Еще со школьных лет Артур понял, что физическое здоровье необходимо в нашей жизни: без него сложно не только чего-то достичь, но и просто наслаждаться жизнью. Понял, что и за телом нужно следить, и с удовольствием это делал: активно занимался различными видами спорта, на два года в институте погрузился в вошедший в моду культуризм, закалялся, ходил летом в походы.

* * *

Перед самым выпуском Артура из института (это была вторая половина 1980-х годов) началась перестройка.

На последнем курсе он прочел книгу А. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ». Он увидел гнилость системы, построенной на обмане и насилии, применяемых к десяткам миллионов людей. Никакого желания работать в государственном аппарате у него не было, хотя ему предложили работать там и даже периодически ездить в командировки за границу, что считалось верхом мечтаний. Он с легкостью отказался от всех заманчивых предложений, некоторые из которых он получил благодаря связям родственников, а некоторые – благодаря родителям потенциальных невест. За несколько месяцев он получил целый ряд приглашений от очень влиятельных персон, у которых были дочери на выданье, познакомиться с их дочерьми с целью дальнейшей женитьбы. Он оказался потенциально хорошим женихом: не пьющий и не курящий, с хорошим, многообещающим образованием.

Один влиятельный человек ему прямо сказал, что, мол, «я подарю тебе на свадьбу ГАЗ-24 и ключи от квартиры и буду помогать быстрому росту твоей будущей карьеры». Но он отказался от всех заманчивых предложений и решил взять свободный диплом, без какого-либо назначения после института.

Он хорошо сдал экзамены, получил красный диплом. И остался еще на 2–3 месяца в общежитии, так как во время тренировки упал и сильно повредил колено.

В то время начали появляться первые ласточки свободы слова: вещание на телевидении без коммунистической цензуры и различные газеты. Новая вежа в экономике ознаменовалась появлением кооперативных магазинов и ресторанов.

В институтской столовой во время обеда он познакомился с неким Орловским. Тот за плату попросил присмотреть несколько раз за какими-то привезенными ящиками: «Все равно ходить не можешь – хоть заработай», – сказал он Артуру, подмигивая.

Фамилия Орловскому подходила – он и правда был похож на орла. Хоть его имя и отчество были славянскими, по происхождению он был евреем, чего он в общем-то и не скрывал.

В ответ на вопрос, чем он занимается, он называл себя «кооператором» или «бизнесменом». Орловский занимался поставками различного оборудования для института на коммерческой основе.

Месяцем позже они снова столкнулись в институтском кафе, разговорились, дружились. Орловский запомнил этого честного и ответственного парня и предложил Артуру работать с ним за хорошие деньги. Работа была довольно интересной, они много путешествовали. Основная задача заключалась в том, чтобы сначала что-то купить, а потом это «что-то» продать. Орловский обладал коммерческой жилкой и знал, что, когда и кому может

пригодиться. Он открыл несколько подпольных цехов, в том числе по пошиву трусов. Они успешно продавали продукцию и получали большую прибыль. Помимо хорошего заработка с каждой удачной сделки Артур получал неплохие проценты и уже через год стал очень богатым человеком. За неделю он мог легко заработать столько, сколько ректор их института получал за весь год. Но при этом не нужно было ходить на партсобрания и участвовать в служебных интригах.

Артур купил новые «Жигули», огромную, хорошую квартиру в Москве, новую квартиру родителям и их давнюю мечту – дачу.

Как-то в одном из «рабочих» путешествий, еще в самом начале совместной деятельности, он спросил Орловского, для чего вся эта суетливая жизнь. И Орловский сказал ему следующее: «Ты можешь социально состояться, но если у тебя нет денег, то в этом нет смысла. Если есть деньги, ты можешь делать все, что захочешь, и иметь все, что захочешь, и заниматься, чем захочешь». И Орловский заразил Артура стилем жизни «деньги ради денег».

Артур решил год поработать с Орловским и пойти по своему пути, но... хотя он достиг всего, чего хотел, мог отдыхать везде, где хотел, что было мечтой многих, у него появлялись все новые и новые желания, и он все глубже нырял в этот «водоворот жизни», где деньги были главной целью, из которого выйти оказалось не так и легко, пока через полтора года не произошло событие, которое резко изменило ход жизни Артура и всех, кто был связан с их бизнесом.

* * *

Однажды вечером они выходили с Орловским из машины, направляясь поужинать. Перед ними остановились два автомобиля: шестисотый «Мерседес» и новая «девятка» ВАЗ, из которых вышли огромные парни. Они взяли Орловского за горло и несколько раз ударили об стену.

Артура они приняли за его водителя и сказали, что если он пошевелится, то изрежут, и усадили на мокрый асфальт. Лица парней не предвещали ничего хорошего. Они стали выпрашивать Орловского, почему он им не отдал деньги. Хотя было еще не очень темно и люди ходили по улице, никто не посмел их защитить или даже позвонить в милицию.

Парни пригрозили, что если Орловский не отдаст им крупную сумму денег, то они сделают много нехороших вещей с ним и его родственниками. Артур испугался: откуда у них такие суммы? Парни уехали. Орловский дрожал от страха. В ресторане он не мог есть и срывающимся голосом рассказывал, что у него было свое прикрытие – местные «братки». Потом появились более сильные (многочисленные выходцы с Северного Кавказа), которые потребовали все его деньги и имущество. Орловский сказал Артуру, что вместе больше работать не получится, и лучше ему держаться подальше, и что надо закончить дело и отдать деньги этим парням, иначе с ними шутки плохи.

Артур потом узнал, что через несколько дней эти ребята схватили его дочерей по дороге из школы, силой посадили в машину, напугали, просили передать отцу, что в следующий раз увезут, помучают и, если они выживут, вернут папе. Смертельно перепуганные дочери пришли домой и рассказали все маме. Жена потребовала, чтобы Орловский немедленно отдал деньги.

Орловский распродал все, что мог, включая две свои большие квартиры, но все равно не хватало около 5000 долларов, которые ему дал Артур, чем очень удивил Орловского (на эти деньги тогда можно было купить большую квартиру или 5–10 подержанных машин). Далее Орловский неожиданно исчез из его жизни. По слухам, он уехал в Израиль, потом перебрался в Западную Европу, где пережил сильный инфаркт.

* * *

Артур все воспринял спокойно, но было жалко смотреть на пожилых сотрудников, которых он вынужден был уволить, понимая, что вряд ли они найдут место с такой хорошей зарплатой, какую платил им Орловский.

Потом последовал неожиданный «обвал» рубля. Так как деньги Артура были вложены в квартиру и машину, а также несколько тысяч долларов у него было наличными, то он потерял немного. Он разменял свою большую трехкомнатную квартиру на две. Одну он стал сдавать, в другой жить. Денег от сдачи квартиры внаем вполне хватало на жизнь, плюс у него в запасе были еще сбережения. Он продал несколько золотых вещей, которые купил, еще когда занимался бизнесом с Орловским.

И снова эти мысли... зачем все это?

У него остались связи в сфере бизнеса, и он знал, какая деятельность принесет много денег, но не торопился кидаться в новый водоворот... Самое интересное – он потерял тягу к деньгам. Это был не страх... Он осознал: можно зарабатывать деньги всю жизнь, а лишиться их можно очень быстро. Преступники, экономический кризис... Он увидел, что многие люди потеряли за один день то, что зарабатывали в течение 20–30 лет. Все эти деньги вдруг обесценились, и вся жизнь этих людей оказалась пустым зарабатыванием. Что интересно: чем больше денег теряет человек, тем больше он страдает...

Он подумал: «Даже если будет самый надежный банк, даже если я смогу зарабатывать огромные деньги и иметь все, неужели в этом смысл жизни?»

Через месяц после исчезновения Орловского произошло событие, которое также очень повлияло на подход Артура к жизни.

Глава IV

Послание с того света

Пролежав в больнице неделю, от сердечного приступа умер отец Артура. Как только ему сообщили о госпитализации отца, он сразу же выехал к нему. Отец с детства болел астмой, а последней зимой он переболел воспалением легких, что усугубило его положение.

Врачи сказали, что нужны дорогие лекарства, которые Артур сразу же оплатил. Но тем не менее врачи признавались, что даже если отец и выживет, он останется инвалидом. За эти последние дни они общались больше и искреннее, чем за всю жизнь.

Когда отца перевели из реанимации в палату и Артур навестил его, тот рассказал, что пережил клиническую смерть, прошел по тоннелю, а потом видел со стороны все, что происходило в операционной. И якобы встречался с родственниками, которые уже умерли и которые сказали ему: «Дай наставления сыну и возвращайся к нам». Также отец сказал про какой-то свет, полный любви, которую на Земле почувствовать практически невозможно. Даже небольшое соприкосновение с ней давало огромное блаженство и умиротворение.

Артур не слишком вникал в слова отца, потому что ему казалось, что он все еще бредит.

Когда Артур вечером вышел из больницы, то увидел большой лоток с книгами и журналами и решил купить себе что-нибудь почитать, чтобы как-то скоротать время в гостинице. Первое, что попало ему на глаза, была книга Р. Моуди «Жизнь после жизни». К утру он ее прочел и пришел к отцу под большим впечатлением от нее...

В книге врач и ученый делал предположение на основе работы со многими людьми, пережившими клиническую смерть, что придумать все эти случаи невозможно. В основном люди рассказывали то же, что и отец Артура... Больше всего его поразило и обрадовало, что с разрушением физического тела жизнь души не заканчивается.

Когда Артур навещал отца во второй раз, тот рассказал ему всю свою жизнь, попросил у него прощения. Артуру важно было это услышать, так как он с детства думал, что отец его не любит. Но отец рассказал, что он много работал, чтобы обеспечить сына лучшим, – хотел дать ему образование и нравственное воспитание. Также он был строг с сыном, потому что знал, как быстро подросток может попасть под плохое влияние.

Отец попросил прощения за то, что несколько раз ударил сына в детстве. Артур понимал, что строгое отношение отца побудило его стремиться к чему-то хорошему, да и вообще благодаря отцу он состоялся как личность. Воспитание сына было целью жизни отца. «В общем-то достойная цель, – отметил про себя Артур, – если у меня будут дети, я также попытаюсь дать им лучшее». Они обнялись и попросили прощения друг у друга.

Третья встреча с отцом просто потрясла Артура, поэтому, вернувшись в гостиницу, он записал то, что вспомнил, в свой дневник.

* * *

...Когда я подошел к палате, там бегали перепуганные врачи. Оказалось, отец стал задыхаться ночью, и его едва откачали. Но положение было практически безнадежное, как доложил мне дежурный врач.

Отец лежал очень бледный и умиротворенный. Увидев, что я зашел, он начал говорить:

– Я опять... там... был... Те, кто жил недостойно, – сложно им там, а таких сейчас большинство... И что поразительно: там совсем другое понимание добра и зла. Многие люди, которые тут считались очень хорошими, там были сильно наказаны, и наоборот. Главное там – судится: от души, от сердца ли ты делал что-то или от эго, главный грех

– это эгоизм. Жаль людей, в невежестве мы живем, совсем не те ценности, мало таких, кто идет своим путем, предназначенным ему. А это, оказывается, большой грех – идти чужой дорогой.

– ??? Как ты себя чувствуешь, пап? Может, принести что-то?

– Уже ничего не нужно, немного мне осталось.

– Да брось, пап, все будет хорошо.

– А почему ты думаешь, что смерть в должный час – это плохо? Да и вообще смерть – это просто переход в другое состояние, другую форму жизни. Представь, как будто ты уезжаешь в другую страну, и все вокруг новое, но там много душ тебе знакомо.

– ???...

– Передо мной за несколько секунд прокрутилась вся жизнь, удивительно. Жаль, что я так много работал и так мало времени проводил с вами, друзьями, мало отдыхал и практически не занимался по-настоящему духовным развитием. Оказывается, ради этого мы и приходим в этот мир...

– Пап, но мы же ходили в театр, на выставки... Помнишь, как вы меня иногда насильно таскали на все культурные мероприятия?

– Это не духовное развитие, многие эти артисты, оказывается, еще страдать будут за соращение людей, и сильнее других. Подлинная культура должна приводить людей к Богу, сынок...

– Пап, так что, лучшие кабаки с пьянками и гулянками?

– Это еще хуже.

– Мрачно как-то все, пап.

– А ты давно был в театре или кабаке? Обходишься же без этого...

– Просто времени как-то нет, но если будет хороший спектакль или фильм, то обязательно посмотрю, разве это плохо?

– Хороший... все меньше сейчас хороших.

– Пап, а почему тебе не поверить, что ты выздоровеешь и станешь правильным и поможешь в этом людям?

– Нет, я задержался проститься с тобой, попросить прощения еще раз за все и попросить тебя отдать мои долги, – оказывается, нельзя умирать с долгами... Если бы я узнал все это раньше, то начал бы учить этому людей.

– Чему именно – тому, что театр – это плохо?

– Нет, тому, что пришли мы сюда духовно развиваться и все наши беды от эгоизма и от того, что мы не стремимся к любви. Сынок, займись этим.

– Может, это не мое предназначение, ты же сам говорил, что у каждого свой путь.

– Эта деятельность выше всякого предназначения – это главная цель для каждого живого существа. За эту короткую жизнь мы очень многое можем успеть.

Я не знал, что сказать, и вообще, что делать.

Отец беспокоился о своих долгах: кому-то книгу вернуть и соседке – 2000 рублей. Он попросил, чтобы пришел священник и отпел его и чтобы Артур пожертвовал священнику, сколько он скажет (все это было очень необычно для того времени).

В три часа дня отец стал внимательно смотреть на икону, которая висела над входом в палату (их совсем недавно развесили какие-то пожилые женщины в палатах для тяжелобольных), что-то повторял про себя и минут через 15 сделал глубокий вдох и ушел... Именно ушел, а не умер, – так Артур это ощутил. От отца исходило умиротворение, и на лице его застыла улыбка...

Дальше Артур помнил все как в тумане: похороны, священник, раздача долгов, возвращение в Москву...

* * *

Мать Артура в то время гостила на Дальнем Востоке у родителей. Она приехала уже после похорон, спустя несколько дней, когда утихомирившаяся бушевавшая в деревне буря и связь была восстановлена, – только тогда до нее смогли дозвониться.

У нее было много подруг и родственников в городе, которые поддерживали ее. Через полтора года она вышла замуж за замечательного человека, и Артур с каждым годом общался с ней все меньше. Где-то он прочитал, что чем больше любовь между супругами, тем скорее они находят новых партнеров. Родственные узы все меньше удерживали его от ведения той жизни, которую бы он хотел вести сам.

Этот случай снова заставил Артура задуматься: ведь отец был достаточно молодым (ему не исполнилось даже 50 лет), а так внезапно ушел... Вопрос о смысле жизни возник снова. «Ведь это все так временно, – думал он, – ведь в этой суете нет никакого смысла».

Более того, он стал бояться смерти. Он понял, что также когда-нибудь умрет, и, может быть, ему остался год, два, три, но об этом никто не знает.

Несколько месяцев назад один молодой парень, его сосед, был сбит машиной – погиб на месте, и вот теперь и отец умер еще совсем молодым. Он думал, что умрет в 80–100 лет, а оказалось, что может умереть значительно раньше. И вопросы о смысле жизни вновь обострились.

После похорон отца он пару недель читал книги, гулял в одиночестве на природе. Он не знал, что каждый день приближает его ко встрече, которая очень изменит его жизнь.

Слова отца перед смертью, книги о якобы существующей жизни после смерти сильно повлияли на него, но стройной картины мира у него так и не сложилось, и он вообще потерял интерес к мирской жизни.

Однажды позвонил его институтский друг и пригласил пожить на даче, так как родители уезжали за границу и некому было присматривать за домом и поливать цветы. Артур согласился. Ему хотелось побыть одному. Прошел всего месяц со дня смерти отца.

Артур заехал к другу за ключами от дачи и на следующее утро был готов ехать.

Глава V

Встреча со «святым отцом» Жекой

На следующее утро Артур вышел из квартиры рано – хотел купить продуктов, съездить по делам. Но не успел он выйти из дома, как услышал звук церковного колокола. В начале 1990-х это было довольно необычное явление для Москвы, к которому еще не успели привыкнуть. И он вспомнил, что недалеко от них есть церковь, которую открыли примерно два года назад, и сейчас туда по воскресеньям приходит очень много людей.

Видимо, был какой-то праздник: чем ближе Артур подходил, тем большим становился поток людей. Кто-то шел из церкви, кто-то шел по направлению к ней. Несколько женщин были одеты в длинные юбки и платки, что также несколько удивило его.

У него не было какого-то определенного отношения к церкви. Как-то зашел, поставил свечки, поприсутствовал на службе. Прабабушка Артура крестила его в детстве и много рассказывала о православной вере. В тот раз он зашел, скорее, чтобы отдать дань уважения ей. Но в церкви он услышал, как какая-то пожилая женщина ворчала и ругала других людей, и это дополнялось мрачной атмосферой, царившей в той церкви, что произвело на него тяжелое впечатление. Больше туда ходить ему не хотелось.

После того как он прочитал «Архипелаг ГУЛАГ» и еще несколько статей в газетах, где говорилось, что практически не осталось священников, которые не были бы связаны с советской властью и не работали бы на КГБ, доверие к ним и церкви пропало окончательно.

* * *

Он шел, наслаждаясь чудным солнечным утром, пением птиц. И вдруг увидел идущего ему навстречу священника – довольно молодого, бородатого, длинноволосого, пристально смотрящего в его сторону. Ему стало несколько некомфортно от этого взгляда. Он попытался опустить глаза, ускорить шаг, но вдруг услышал, как его громко зовут по имени: «Артур! Артур!»

Он не мог ожидать, что священник окликнет его... Но в момент, когда раздалось шутовское «Артурыч», он понял – зовут его. На первых курсах института его прозвали Артурычем. Почти у каждого была какая-то кличка. Артур остановился, сомнений не было: обращались к нему. Священник, светясь очень доброй улыбкой, спросил: «Артурыч, не узнаешь?» И вдруг он вспомнил. Как будто на него вылили ушат холодной воды: «Жека?» Это прозвище в институте принадлежало Евгению, то есть Женке.

Жека был родом из Вологодской области. Его папа был большим начальником в районном центре и сделал все, что мог, чтобы сын поступил в столичный институт. Но сын учился не слишком хорошо и был выгнан за драки и пьянку уже во втором семестре первого курса. И никаких хороших впечатлений о себе он не оставил. Особенно было неприятно, что Жека подозревался в воровстве среди однокурсников, а это считалось последней низостью. Он не был пойман на содеянном, но два раза, когда он оставался дежурным в общежитии, там пропадали деньги и ценные вещи. Доказать его вину не смогли, хотя больше никого на этаже не было.

В общем, никаких хороших впечатлений о Жеке у Артура не было. Глядя на Женю и пытаясь улыбнуться в ответ, внутри он испытывал сильное смятение, проносились мысли: «О боже, уж если такие люди пошли в церковь...»

За доли секунды перед ним пролетели картины прошлого. Он замешкался, не имея никакого желания общаться со «святым отцом», как он про себя назвал Женю. Обменявшись

любезностями, Артур спросил: «Так как тебя называть? Отец Евгений, наверное?» Тот отвечал: «Да ладно, брось... Не совсем так, но это сейчас неважно. Я просто рад тебя видеть. Я понимаю, о чем ты сейчас думаешь. Явно хороших воспоминаний у тебя обо мне не осталось. Я представляю... Но я очень рад тебя видеть. Если хочешь, можно пообщаться. Я тебе многим обязан. Когда-то на лекции по философии ты поднял очень важный вопрос о смысле жизни, твой спор с преподавателем очень повлиял на меня. Не раз под обстрелом я его вспоминал».

Артур пропустил мимо ушей высказывание Жеки про обстрел. Вспомнил только, что действительно много обсуждал важные жизненные проблемы и спорил на занятиях по философии, пока ему комсорг группы не намекнул, что если он хочет закончить институт, то лучше этого не делать.

Артуру неудобно было отказывать в общении, хотя желания и не было. Но что-то внутри говорило, что стоит согласиться. И, скорее из вежливости, он сказал: «Да, давай».

Они зашли в только что открывшееся кафе и сели за столик на улице. Артур коротко рассказал о себе, ничего, мол, интересного, и попросил Жеку рассказать о своем «божественном изменении». Тот стал рассказывать.

Артур делал вид, что слушает, сам же обдумывал, как бы побыстрее закончить общение со «святым отцом». Они заказали сладости, и Жека нараспев, с вологодским акцентом, поведал свою историю. Чем больше он говорил, тем больше завораживал его рассказ. Они провели за общением около трех часов. И Артур, придя домой вечером, вновь записал этот рассказ максимально близко к тексту к себе в дневник. Ему захотелось показать его своим будущим детям.

* * *

Жека рассказал, что он в Москве проездом, на несколько дней. Что он служит в одном из небольших приходов, что сейчас не хватает священнослужителей, так как увеличивается количество прихожан и открывается много церквей.

Он приехал на церковные праздники, встречу и обучение. У него есть невеста – искренняя, верующая девушка.

Когда Жеку выгнали из института, ему дали очень плохую характеристику, и даже его отец не захотел помогать ему, сказав: «Ну иди, служи в армии. Я служил, и ты служи. Не хотел учиться? Армия научит». И хотя у него были возможности либо откупить сына от армии, либо устроить на работу в «теплое» местечко, ничего делать не стал, так как был очень зол на сына.

Заканчивался весенний призыв. В военкомате после медкомиссии к Жеке подошел подполковник и грубо спросил:

– Что, драться любишь? Драчун, говоришь, горячий хлопец? Ну что ж, отправим тебя туда, где ты, я думаю, надерешься, и твое искусство даже пригодится. Хочешь в десантники? Не боишься?

– Нет.

– Ну, тогда – с Богом, в добрый путь.

Его отправили в десантные войска, в Туркестанский военный округ, в Ферганский боевой десантный полк. Все знали: уже через несколько дней, в поезде, что, скорее всего, они все отправятся в Афганистан, потому что в Фергане была учебка и полк, который стоял там, принимал активное участие в боевых действиях в самом Афганистане.

От этого Жеке стало страшно, потому что и в их родном городе, и в Москве он знал много людей, которые были ранены, или погибли, или кого-то потеряли в Афганистане. В

газетах мало писали об этом, а если и писали, то хвалебные статьи, и только тот, кто умел читать советские газеты между строк, понимал, насколько там плохи дела.

Глава VI

Афган

В Фергане его ждало учебное подразделение и ускоренный курс подготовки, где солдат обучали примерно три месяца перед отправкой в Афганистан (это называлось КМБ – курс молодого бойца). Там было действительно очень тяжело, в первую очередь из-за сильной дедовщины – за любой проступок сержанты очень сурово наказывали. Офицеров за их требовательность все солдаты и сержанты называли шакалами. Но в общем-то их строгость была оправданна, так как и сержанты и офицеры сами прошли уже многие боевые операции и прилетели за новым пополнением – они знали, что ждет новобранцев.

Их учили стрельбе, рукопашному бою, прыжкам с парашюта, проводили усиленную физическую подготовку и много различных учений в пустыне. Потом их на несколько недель отправили в горы, где вначале Жеке показалось, что он умрет от перегрузок. Иногда в день они проходили 20–30 километров в полном боевом снаряжении, параллельно отрабатывая различные боевые ситуации и проводя учебные стрельбы. Как он ни обматывал портянками ступни, ноги выглядели одной сплошной кровоточащей мозолью. Воды давали не более полулитровой фляжки в день.

Но настоящий ад и испытания начались через три месяца, когда их отправили в Афган.

* * *

У Артура в записях не сохранилось точных названий всех городов и фамилий. Единственное, что запомнилось, – Кабул, Кандагар, Зеленка и чаще всего – Баграм.

В Афганистане, с одной стороны, было легче, потому что им не устраивали никаких учебных тревог посреди ночи, но, с другой стороны, было постоянное психологическое напряжение, и это на фоне непосильных физических нагрузок. Два первых месяца они стояли на большой базе. Их часть обстреляли с соседних гор в первую же неделю, и два человека из первой роты погибли, несколько было ранено. Это было первое боевое крещение, и он понял, что здесь не шутят. Молиться Богу Жека стал при первом обстреле: «Господи, защити, спаси, если Ты есть!» – совершенно от себя этого и не ожидая, ведь про Бога слышал только от своей старой бабушки, и то в детстве, да и не так уж много: она рассказывала в основном общие вещи: как молиться, креститься и кто такой Иисус Христос.

Примерно через два месяца он заболел серьезным кишечным расстройством и, проведя несколько дней в госпитале, был отправлен в отдельный батальон, задачей которого было охранять безопасность в отдаленном районе: удерживать несколько высоток, обеспечивать безопасность колоннам машин, проводить разведывательные рейды.

Времена были очень тяжелые во всех отношениях. Хотя это была осень, но стояла ужасно жаркая, сухая погода, и с каждым днем становилось все более ветрено.

В ноябре начались сильные пыльные бури, а ночью становилось все холоднее и холоднее. Но самое главное, к чему было тяжело привыкнуть, – большие потери в Советской армии. Смерть, ранения, пропажа без вести были обычным делом.

У духов (душманов) появился опыт войны, их обучали американские наемники, которые еще и обеспечивали их самым современным оружием. Самыми опасными были «Стингеры»: они легко сбивали вертолеты, часто подбивали боевые машины десанта американскими и трофейными советскими гранатометами, а расстрел автоколонны стал обычным явлением.

Самое тяжелое было в том, что в целом все понимали бессмысленность этой бойни и то, что эта так называемая интернациональная помощь на самом деле не нужна этой стране.

Самолеты возвращались в Союз, полностью забитые ранеными или «грузом 200», как называли цинковые гробы. Когда не хватало места, гробы стояли на жаре какое-то время перед отправкой.

Попав в этот батальон, многие старослужащие, которым оставалось всего месяц до приказа об увольнении, делали все, чтобы вернуться живыми и невредимыми домой. Самым страшным считалось, пройдя за два года все круги ада, быть покалеченным или убитым перед приказом.

Последний год стал самым тяжелым для батальона за всю афганскую кампанию. Примерно половина батальона было убито или ранено, из выживших многие заболели инфекционными заболеваниями. Вследствие чего прибывало очень много новых солдат и офицеров, в основном еще не обстрелянных.

Жеке оставалось служить больше полутора лет. Это казалось чем-то неизмеримо долгим и необъятным, ибо каждый день тянулся для него до отчаяния томительно... В придачу ко всему он заснул ночью в наряде, когда был дневальным по роте, – событие пренеприятное. Дежурный по батальону долго материл его, а когда ушел, то сержант профессиональным боксерским ударом послал Жеку в нокаут со словами: «Из-за таких, как ты... роты целые вырезают». Утром замкомандира батальона прошипел: «Спать любишь на боевых дежурствах? К Пархомину пойдешь, там у него не заснешь...»

И его отправили в отдельный усиленный разведвзвод, которым командовал старший лейтенант Пархомин. И этот отдельный взвод выполнял самые тяжелые задачи и постоянно участвовал в боевых действиях.

* * *

Знакомство с командиром взвода Жеке очень запомнилось – тот сразу расположил к себе. Старший лейтенант сидел на кровати и на доклад о прибытии в его распоряжение нового солдата как-то по-отечески произнес: «Рады, что прибыл, расскажи о себе». И этот отеческий тон поразил Жеку, он чуть не заплакал... С ним уже давно так никто не говорил, даже отец перед отправкой в армию был очень жесток с ним.

После того как Жека рассказал о себе, Пархомин показал, где тот может поесть, и дал напутствие: «Старайся служить хорошо, потому что здесь все зависят друг от друга, и твоя небольшая ошибка может стоить многим жизни – и твоим сослуживцам, и тем, кого мы будем защищать». После этого, дав еще несколько важных наставлений, отправил его к сержанту Зубину.

И начались боевые будни. Подъем по тревоге: какая-то колонна попала в засаду, и они обязаны первыми вылететь на место; сами по несколько дней просиживали в засаде, поджидая духов, вытаскивали раненых и убитых с поля боя, сопровождали машины с тяжелоранеными до госпиталя, выполняли и другие подобные задания.

К концу весны он уже превратился в довольно опытного воина. Он хорошо стрелял, легко проходил 20-километровые марши по горам в полном боевом снаряжении, быстро находил самые безопасные места при обстреле, умел бесшумно передвигаться, успевал выспаться на 30-минутном привале. Он привык жить от письма до письма.

За все время во взводе не было людских потерь, что было очень удивительно, потому что в батальоне потери продолжались. Во многом так было благодаря их командиру, у которого помимо опыта было какое-то особое чутье и интуиция, не раз спасавшие солдат.

* * *

Как-то раз возвращались они на базу полностью измотанными, после двухдневного марша. До базы оставалось километров шесть, важно было вернуться до захода солнца. Тропа шла вниз, и первые побежали, потому что очень хотели есть, пить, успеть отдохнуть до утра. Это считалось уже своей, безопасной территорией... И вдруг командир Пархомин крикнул: «Стоять! Не шевелиться». И медленно пошел вперед с сапером. И буквально через десять метров они обнаружили натяжку – нитку, привязанную к гранате. Если зацепить эту нитку, граната начинала катиться и через какое-то время взрывалась. Это было рассчитано на группу, идущую по узкой тропе. Разминировать ее времени не было, тем более что дальше виднелась еще одна натяжка. Он приказал: «Аккуратно обойдите».

Как-то они заняли позиции на высоте и заметили, как приближаются душманы на соседней высоте, чтобы обстрелять колонну, которая уже виднелась внизу. Начался бой, перестрелка, командир управлял боем из укрытия. Вдруг по радиации закричал пулеметному расчету: «Выдвиньтесь из ложбинки, выйдите. Покинуть срочно вашу позицию и переместиться на 30 метров в овраг, быстро! Лечь, прикрыть голову». И через минуту раздался выстрел из гранатомета прямо по тому месту, где они только что находились. И хоть они были несколько оглушены, но все же выжили. И такое бывало не раз.

Он также обладал каким-то чутьем на людей, всегда знал, кого и куда назначить. Радиостом он взял себе литовца Саулюса. Хотя русский язык был для него не родной, и говорил он с сильным акцентом, и все, даже сержанты в курилке, поговаривали: «А этот “Лабас” сможет говорить во время боя? Вдруг он забудет русский?»

Как-то они спускались с горы с литовцем. Начался обстрел. Саулюс упал, подвернул ногу, покатился вниз и ненароком ударил радиацию несколько раз о камни, затем в нее попал осколок, и она перестала работать. На них наступали душманы, пытаясь их окружить, и нужно было срочно вызывать подмогу. Он засел и погрузился в ремонт с головой, что-то разбирал, собирал, и примерно через пять минут радиация заработала. Они вызвали подмогу, прилетели два вертолета и открыли огонь по наступающим душманам. Также подключилась артиллерия и стала бить по тем высотам, откуда по ним велся огонь, откуда шло наступление. И в результате группе дали уйти. Один боец получил ранение, но, как потом выяснилось, несерьезное – осколки-царапины, и он через несколько дней вернулся в строй.

Пархомин – это офицер, которого солдаты, даже из других подразделений, уважали, избегая называть «шакал», как других офицеров. Был он хоть и жестким и требовательным, но смелым и всегда заботился о своих солдатах. Например, он мог позвонить заместителю по тылу полка и потребовать от него замены просроченных сухпайков, выдачи большего количества продуктов, мог при этом разговаривать жестко, хотя собеседником был майор. Он добивался для солдат всегда максимально лучшего.

Один ефрейтор еще до прихода Жеки в подразделение был тяжело ранен и отправлен на базу, в госпиталь: ему осколком сильно ранило правое бедро. Осколок, хоть кость и не задел, но прошел близко к колену и задел сухожилия, а другой осколок попал в бок, раздробив ребро. Ефрейтора звали Величко Андрей. Он пролежал в госпитале несколько недель перед отправкой в Союз, и Пархомин, когда был в части, сам завез ему письма, привез его вещи, продукты, поддержал его, поблагодарил за службу. От него исходили забота и участие, и все это чувствовали.

Но больше всего Жеку поразила его смелость, когда тот стал отчитывать двух солдат-дагестанцев, оставленных на важной позиции – прикрывать высадку десанта. Но из-за начавшейся стрельбы они внезапно без приказа покинули позицию, тем самым дав возможность вести прицельный огонь по всей группе.

Все залегли, а вертолет, так и не высадив до конца солдат, улетел, и было просто чудом, что все обошлось без жертв. Когда они прибыли в казармы, Пархомин орал на них: «Сволочи! Негодяи! Вы – трусы! Я так и напишу в ваш аул, чтобы ваши деды и родители знали, что они воспитали трусов». Он обзывал их последними словами и сказал, что в следующий раз, если кто погибнет, они будут писать похоронки, объяснять родителям на своем неграмотном русском языке: «Простите, маманя, я струсил и сбежал, а его убили...»

Это продолжалось минут 10, после чего он заявил, что даже в тылу такие гады что-то да испортят. Они пытались что-то сказать в свою защиту, их ноздри раздувались. Это были кавказцы, горячие ребята, которые вообще не привыкли, чтобы с ними так разговаривали. Им было приказано месяц носить все дополнительные боеприпасы на заданиях и убирать туалеты по возвращении. В принципе такое поведение мало кто мог себе позволить, потому что душманы – это одна опасность, а была и другая, когда особо жесткие с молодыми солдатами сержанты вдруг как-то неожиданно получали пулю сзади по ногам или даже по телу. Да и просто осознание того, что твой тыл прикрывают те, кто тебя ненавидит, увеличивало и без того большое психологическое напряжение.

К чести этих солдат, они больше не проявляли трусости.

* * *

В конце весны Пархомин уехал в отпуск на месяц. На это время их подразделение оставили в части. Они ходили на большие задания только дважды, и то в составе всей разведроты, но Жека заметил, как все тоскуют и чувствуют себя некомфортно. Все почувствовали, как им не хватает этого офицера.

Пархомин вернулся из отпуска очень вдохновленный, но все же какой-то грустный и задумчивый. Пока он был в отпуске, пришел приказ о присвоении ему воинского звания – капитан.

У него был двухлетний сын, жена, и он больше года их не видел, потому что его отпуск все время откладывался. Его никто не мог подменить, что в Афганистане, к сожалению, в отдаленных частях случалось. Родители его погибли в автокатастрофе, когда он учился в 10 классе. Это стало одной из причин, почему он выбрал учебу в военном училище: там государство брало на себя все расходы по содержанию. Он хорошо закончил английскую спецшколу и легко поступил в военное училище.

В Афганистане ему оставалось прослужить около 6–7 месяцев.

Примерно в конце августа начались серьезные бои. Почти каждый день обстрелы, подрывы – душманы активизировались. Наступили очень тяжелые времена. Вновь прошел слух, что их скоро выведут в Союз.

Но потери увеличивались с каждым днем, в том числе и в их подразделении, как их ни берег Пархомин. Примерно через два месяца после отпуска их перебросили на боевые машины десанта (БМД), на помощь пехоте, и из деревни на противоположном склоне небольшого ущелья по ним неожиданно открыли сильный огонь из пулеметов и гранатометов. Хотя там должен был стоять гарнизон местной (союзной) афганской армии.

Душманы, особенно в последние годы, использовали пренеприятную тактику: входили в дома местных жителей, занимали там боевую позицию и стреляли, при этом запрещали владельцам домов покидать их. Поэтому, когда в ответ лился огонь, погибало много гражданского населения. Они это фотографировали и использовали в пропаганде против Советской армии. Это им также помогало набирать себе новых солдат, желающих отомстить за погибших родственников.

Солдаты залегли – кто за БМД, кто за камнями – и практически не могли поднять голову. Из-за большой плотности огня из крупнокалиберных пулеметов и гранатометов один БМД загорелся.

По рации попросили подмогу. С другой стороны ущелья вертолеты высадили десант, который стал наступать и брать деревню в кольцо. Вертолеты также выпустили несколько залпов. Два их БМД стреляли из своей легкой пушки. Практически все, кто был на этой стороне, стали активно стрелять, так как плотность огня душманов уменьшалась.

Их гранатометчики заняли позиции и начали подавлять позиции душманов. Это была довольно опасная, хорошо вооруженная группировка, что-то вроде спецназа, прошедшая обучение в Пакистане.

В итоге подразделение, наступавшее сверху, заняло деревню к вечеру, никому не дав уйти: двух раненых душманов захватили живыми, и 16 были убиты. К сожалению, погибло несколько семей местных жителей.

Пархомин сказал: «Что мы можем сделать? Это они выбрали такую участь для своего народа. Если их религия, их мировоззрение позволяют использовать своих же как живой щит, что мы можем сделать?»

Командир их полка ввел новую тактику – стрелять на поражение, даже если огонь ведется из жилых домов. Раньше это могли делать только снайперы. Это спасло жизни многих десантников, но потери среди местных жителей увеличились. Правда, со временем их отношение к душманам тоже ухудшилось.

Картина была очень тяжелая: было много погибших и раненых, особенно среди наступавших.

У них во взводе погибло шесть человек, включая сержанта Зубина, которому оставалось совсем немного до приказа об увольнении и который во время боя спасал раненых, оттаскивая их за валуны. В самом конце боя он прикрыл собой выскочившего из горящего БМД оглушенного механика-водителя. Посмертно его представили к ордену Славы. В Питере у него остались мать и любимая девушка, которую он любил еще со школы. Они вместе учились в политехническом институте и планировали пожениться. Спустя время Пархомин скажет о нем, что настоящим героем может быть только такой человек, который умеет по-настоящему любить.

Десятеро были ранены, практически все – тяжело. Радисту Саулюсу оторвало ноги ниже колен. Он стонал и периодически терял сознание. Врач был всего один, он пытался всем помочь. Стали прибывать вертолеты и забирать раненых и погибших. В полуразрушенной мечети солдаты нашли большой склад с оружием, обмундированием и книгами.

Жека до этого боя молился Богу, прося о своей защите, но в этот раз он обратился к Нему с отчаянными вопросами: «Почему так? Почему страдают невинные? Почему молодые становятся калеками? Зачем эта никому не нужная война? Что эти ребята сделали Богу плохого? Почему, чем религиознее душман, тем он более жесток? Объясни мне, Бог, почему все это происходит? Зачем Тебе наши страдания? Почему я именно здесь, и Саулюс, и Зубин? И пострадал не я, а они, хорошие ребята, которых ждут любимые девушки, родители, и они хорошо учились. Я хочу знать, почему? И еще: хочу что-то сделать, чтобы этого никогда не повторялось...»

Они вернулись на базу. Настроение у всех было очень тяжелое. Им дали два дня на восстановление. Пятнадцать новых солдат, недавно прибывших из учебки, должны были заменить выбывших. Прапорщик принес спирт, чтобы помянуть погибших, и все напились, кроме Пархомина – тот никогда не пил, не курил и не поощрял этого. Он считал, что вредные привычки делают человека рабом и болезненным человеком во всех отношениях. Но на этот раз он не вмешивался, так как почти не выходил из каптерки и был занят множеством дел.

* * *

Через два дня они получили задание – закрепиться на высоте и докладывать обо всех передвижениях противника, стараясь не вступать в бой. Это была заброшенная деревенька. Они заняли там позиции. Уже на следующий вечер несколько душманов попытались войти в деревню, но когда они приблизились, по ним открыли огонь: двое были убиты, а один скрылся. Было понятно, что это разведка и что душманы теперь о них знают.

И действительно, рано утром их начали обстреливать. Завязался серьезный бой. Пархомин взял Жеку, еще двух опытных бойцов, радиста, и они перебрались в пустой дом, стоявший на возвышении в стороне. Оттуда был лучший вид для обстрела наступавших душманов и для командования боем.

Пархомин приказал им занять позицию, беречь патроны, стрелять наверняка. Им пообещали подкрепление, но проходили часы, а его все не было. Позднее выяснилось, что этим утром были сбиты два вертолета и практически уничтожена автоколонна. Солдаты отстреливались, но потихоньку их брали в кольцо.

Душманы наступали мелкими перебежками, при постоянной огневой поддержке пулеметов, очень затруднявших ведение боя. Видно было, что это опытные бойцы.

В «их» доме практически не было крыши, и один душман, которому удалось незаметно приблизиться к ним, бросил гранату...

В этом месте рассказа Жека покраснел, закрыл глаза и сказал: «Я раньше слышал рассказы очевидцев подобных событий, что в такие моменты идет обострение и замедление всего происходящего, – так было и со мной: все вдруг начало происходить, как в замедленной съемке».

...Душманы наступали с восточной и южной сторон, солнце очень слепило, и вдруг что-то мелькнуло. Жека посмотрел вверх и увидел: медленно летит граната – летит в сторону, чуть ближе к Пархомину. Он смотрел, как она крутится в воздухе и медленно падает. Огромный страх сковал Жеку, буквально вся его жизнь промелькнула перед глазами, и он понял, что вот она – смерть...

Он видел, что ничего особенного не сделал, что жизнь прошла совершенно бесполезно. Ему было страшно. Мгновения текли медом, и все для него остановилось. Он посмотрел на гранату, на Пархомина. Тот что-то кричал радисту и вдруг заметил гранату. Жека увидел, что в его глазах мелькнул сильнейший испуг, но лишь на мгновение, затем – сожаление. Он мельком бросил взгляд на глиняную перегородку в укрытии: у него был еще шанс спастись, но у двоих других – Жеки и пулеметчика – не было бы ни малейшей, даже теоретической возможности выжить. Более того, если бы граната разорвалась, то она, скорее всего, заваляла бы тех, кто был за глиняной, довольно тонкой, стенкой в другой комнате.

Оставалось только одно решение. Взгляд Пархомина стал очень ясным, четким, и он бросился на эту гранату. Жека несколько раз повторил: «Я это очень ясно помню. Все происходило, как при замедленной съемке».

Как в игре регби, Пархомин схватил эту гранату и упал с ней под небольшой стол, – деревянный, очень простой, но прочный стол, успев прокричать: «Ложись!» Жека и Ручников, родом из Рязанской области, повалились на пол и закрыли голову, как их учили, и в это время раздался оглушительный взрыв. Они практически не пострадали, просто на какое-то время оглохли. Душманы прекратили наступать на их дом, решив, что там все погибли.

Немного погодя они увидели, что в небе что-то мелькает – это были вертолеты, которые подавили наступающих душманов. Прибыло подкрепление, и они были спасены.

Дальше для Жеки все было как в тумане. Он понимал, что Пархомин спас их от верной смерти ценой собственной жизни. Саперы из прибывшего подкрепления заминировали

деревню, и всем было приказано вернуться на базу. Когда они вернулись в часть, раненые, те, кого доставили на вертолете, сказали, что один погиб, но его невозможно было забрать, потому что его тело было практически разорвано, и это, вероятно, или радист, или командир. Никто не хотел даже и думать, что это мог быть Пархомин. Когда же выяснилось, чье это тело, то все сняли шлемы, и многие солдаты откровенно плакали.

Старший лейтенант Семенко – солдаты его звали просто «Сема», «шакал Сема» – не стесняясь, заплакал и простонал: «Как вы не уберегли, скоты...» И выругался.

Семенко дружил с Пархоминым. Когда он впервые прибыл в часть, начался минометный обстрел, в штабе сидели двое: один сержант – помощник дежурного по части и его друг – начальник караула. Они должны были демобилизоваться через пару недель. Увидев, что молодой «лейтеха» идет к штабу, а начался обстрел, они стали кричать ему по громкой связи: «Лейтенант Семенко, пригнитесь, срочно пригнитесь! Упадите, вам сказали. Вам что, жить не хочется?»

Они смеялись над ним: это была мертвая зона, туда не могли попасть осколки снарядов, но они развлекались: «Пригнитесь! Ползите! Прикройте голову и ползите». Когда лейтенант в буквальном смысле заполз в управление батальона, он понял, что над ним посмеялись, но был бессилен против опытных сержантов, тем более что он был из другого подразделения. И в этот момент появился Пархомин и обрушил на них свой гнев: «Что, издеваетесь?! Смелые стали? Уже полгода, как в штабе сидите. Я вас завтра же на задание отправлю: пойдете со мной колонну с топливом прикрывать, поговорю с комбатом насчет вас». Побледнев, они стали извиняться. И было чего испугаться: ведь оставалось всего две недели до приказа, и мыслями они были уже дома, а Пархомин имел привычку выполнять свои обещания.

Потом Пархомин направился к лейтенанту, обнял его и сказал: «Да не переживай. Тут все бывает. Все вначале боятся. Главное, смог ли ты преодолеть страх». Он как-то просто и по-человечески его поддержал, ничего особенного и не сказав. Лейтенант Семенко через какое-то время тоже заслужил уважение солдат, потому что хорошо водил группы. За несколько боев ему дали даже орден Красной Звезды и звание старшего лейтенанта всего через полгода. Через год он уже был достаточно опытен, над ним уже никто не смеялся, но он помнил те слова поддержки: «Не переживай. Тут все боятся. Главное, смог ли ты преодолеть страх...»

А сейчас этого героя, преодолевшего страх и спасшего ценой своей жизни других, больше не было среди них. Служить в Афгане ему оставалось совсем немного...

* * *

Всех солдат с легкими ранениями перевели на базу и дали две недели на отдых и восстановление. Первую неделю их даже не ставили в наряды. В это время пришел замкомандира батальона по политработе и дал Жеке задание – написать неофициальную похоронку родителям и жене Пархомина с описанием подробностей его героической смерти и сказал: «Все его ценные вещи мы перешлем, а ты возьми, что останется, и передай им – ты ведь скоро увольняешься».

Действительно, у Пархомина в оружейной комнате был старый рюкзак десантника, в котором были фото семьи, несколько тельняшек, книги, две исписанные тонкие тетради и письмо сыну. В каптерке, в его тумбочке, Жека нашел под вещами какую-то черную книгу на английском, и в ней были заметки от руки: несколько непонятных слов, и на листе на русском было несколько страниц перевода. Он стал читать и понял, что это – Библия.

Он нашел дневник Пархомина и опешил, потому что, если у солдат находили такое, это могло закончиться дисциплинарным батальоном. Тут он вспомнил, что полгода назад, еще до отпуска Пархомина, из разведуправления полка поступила информация, что в одной

из деревень располагаются наемники-американцы. Так было не раз: наемники уходили буквально из-под их носа – разведка у них была очень хорошая. В этот раз было так же. Придя на место, отряда наемников не обнаружили, но нашли трофеи, много боеприпасов, и среди вещей были какие-то книги, и, видимо, эта Библия была одной из них.

Жека читал перевод Библии, и его поражала глубина текста и что-то необычное, напоминающее послание из другого мира. Дневники было запрещено вести, особенно дневники с описанием мест, где они были, на каких заданиях. Но на страницах этого дневника содержались философские мысли, написанные очень мелким, но понятным почерком.

Видно было, что записи велись для себя, не для чужих глаз, и из них выходило, что Пархомин был духовным человеком. Были даже выписаны несколько молитв. В вещах Жека нашел православную христианскую молитву, оберег (как потом выяснилось, еще с войны его деда), но почему-то на последнее задание Пархомин не взял оберег с собой. Жека узнал позже, встретившись с его родственниками, что дед всю войну прошел с этим оберегом, и он понял истоки идеалов Пархомина.

Было также письмо сыну. На большом конверте было написано: «Если со мной что-то случится, то отправьте это сыну. Пусть он его прочтет, когда ему исполнится 16».

Жека прочел несколько абзацев перевода из Библии... и они произвели на него глубокое впечатление, хотя это были всего лишь слова. С тех пор он стал молиться, вспомнил, как бабушка учила его креститься, и он крестился. Он делал это втайне, потому что его бы никто не понял.

Поскольку он был легко контужен, его перебросили в охрану штаба и складов. У него появилось много времени для размышлений над своей жизнью. Он дал слово Богу еще раз, только в этот раз намного осознанней: «Бог, если я вернусь живым, я хочу Тебе служить и хочу читать и изучать Библию. Я живу только потому, что такие личности, как капитан Пархомин, пожертвовали ради меня своей жизнью, и я не имею право жить недостойно».

Через несколько месяцев он вернулся в Союз. В Союзе он помнил, как приехал на таможенную и на накопленные чеки (им выдавали солдатское пособие в чеках, которые были намного ценнее обычных рублей) купил один маленький магнитофон, японский, и часы. На таможне у него довольно жестко их отобрали, отругали и прямо при нем стали решать, кому из таможенников достанутся эти необычные для тех времен «ценности». «Тепло встречают», – отметил он про себя. Ему было противно смотреть, как ради каких-то побрякушек люди были готовы на подлости, обман и предательство. «Под обстрел бы вас», – как-то по-отечески подумал он. У него почему-то не возникло агрессии, сожаления, гнева, раздражения; и хотя те вещи были его единственными ценностями, для него было намного важнее то, что не отобрали записи Пархомина.

* * *

Жеку встретили дома, как героя: у него уже была медаль «За отвагу», и в военкомате сообщили отцу, что он представлен к ордену. Отец пообещал сыну, что восстановит его в институте, но Жека сказал, что ему сейчас не до того, и уехал к вдове Пархомина. Она его очень тепло встретила. Сквозь грусть в глазах было видно, что она сильный человек.

Жека отдал ей записи. Она прочитала письмо и заплакала. Она быстро прочитала записи Пархомина, хорошо зная его почерк. Потом разрешила прочитать это письмо и Жеке. Он прочел и попросил разрешения переписать, так оно его вдохновило, а также – записи Пархомина. Это были цитаты из Библии, выводы о духовной жизни. Жека все переписал, рассказал об исключительном отношении солдат к Пархомину в батальоне, о его благородном поведении, подробностях боев, в том числе и героического, последнего... И на этом он попрощался.

* * *

Сидя в ресторане с Артуром, после завершения разговора Жека отдал ему эти записи и сказал: «Что-то мне подсказывает, что тебе тоже нужно ознакомиться с их содержанием, и я думаю, они тебе также будут полезны. Не переживай – я сделал несколько копий». Все записи были сделаны аккуратным почерком.

В Союзе только начиналась перестройка, все бурлило, – это была совсем другая жизнь, нежели та, которую помнил Жека два года назад. Он начал ходить в церковь, и как-то на выходе ему дали напечатанную на листах Библию. Он стал читать – это был Новый Завет. Он перечитал его несколько раз. Книга потрясла его. Его желание полностью посвятить свою жизнь Богу только окрепло.

Библия ассоциировалась с Пархоминым. Он хотел стать таким же, как он: бесстрашным, скромным, умиротворенным и готовым пожертвовать всем ради служения другим.

Он пришел в церковь и сказал, что хочет служить, хочет быть священником, духовным лицом, ничего иного не хочет в этом мире. Его направили к другому священнику, в другую, большую церковь на собеседование. Он коротко рассказал, что был в Афганистане, дал слово, что будет служить Богу, и рассказал об участии Пархомина, про чтение Библии.

Его направили на обучение в подмосковную духовную семинарию. Каждый день открывались церкви, и нужны были священники. И вот недавно он стал помощником священника и полностью погрузился в служение.

Он сказал, что Библия открыла ему смысл жизни. Когда Жека произнес эти слова, Артур вздрогнул: «Это Книга Книг, и если ты хочешь продвигаться, то должен читать ее, заниматься духовным развитием». Так он вдохновил Артура на чтение Библии.

«У меня нет ее с собой, но ты можешь купить тотчас же в лавке при храме», – сказал Жека. Когда он рассказывал свою историю, его лицо было серьезным, спокойным и умиротворенным, и видно было, что этот человек нашел свой Путь. Рассказ Евгения, бывшего Жеки, очень повлиял на Артура.

* * *

Дойдя до конца рассказа, Евгений помолчал и задал вопрос:

– А зачем ты живешь?

– Это как раз то, что я хочу узнать.

– О, одно то, что ты имеешь это желание, – просто замечательно.

«Просите, и дано будет вам; ищите и найдете; стучите, и отворят вам, ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят».

(Лк. 11: 9–10)

«Молись искренне, Бог слышит всех, если ты будешь искренен, тебя направят...»

«Совсем необязательно становиться священником для нахождения своего Пути, – сказал Евгений, – у каждого он свой, но я тебе советую прочитать, а еще лучше – изучать Библию. Пойми, ты можешь узнать Истину только в священных писаниях, а также в книгах старцев и мудрецов, в описании их жизни; другие книги могут быть чем-то полезны, но в большинстве своем они – от ума».

Еще поговорив какое-то время, Евгений и Артур расстались. На прощание Евгений перекрестил его и сказал: «Бог даст, свидимся. Удачи тебе!»

Они попрощались.

(Позже Евгений попросился в приход, куда никто не хотел ехать, – в район с большой преступностью, находящийся в окружении многих тюрем и воинских частей, где он активно занимался служением, отстраивал церковь. Когда его жена была беременна пятым ребенком, на нее напали трое подвыпивших парней около их дома, ударили по голове и отобрали деньги и сумку. Услышав шум, Жека выскочил из дома и, увидев, что трое здоровых мужчин неторопливо уходят, крикнул старшей дочери: «Вызывай скорую!», а сам с дубиной бросился на обидчиков. Их главарь, достав нож, процедил сквозь зубы: «Ну что, поп, тоже хочешь? Это тебе не свечки в церкви продавать». Через минуту главарь с раздробленным черепом уже лежал на земле, второй от удара в живот корчился и орал: «Не по-божески это!» Третий, бросив в него камень, убежал. В итоге у его жены случился выкидыш, а Жека год не мог двигать правой рукой – камень попал в плечо. Позже он сказал своим прихожанам: «Господь дал мне урок – простить обидчиков».

Состоялся суд, но Евгения оправдали, хотя временно и отлучили от церкви. Однако Евгений не захотел потом туда возвращаться. Последний раз его видели в Москве.

У сбежавшего нападавшего были влиятельные родственники, которые выбили ему условный приговор, но он погиб через год на стройке при невыясненных обстоятельствах. Второй был признан инвалидом – ему тоже дали условный срок.

Все это мне рассказала женщина, родственница другого священника, знавшая отца Евгения, – она была у меня на консультации в 2011 году.)

Артуру не терпелось сесть, чтобы все прочитать. И действительно, эти записи полностью перевернули его жизнь. Письмо к сыну было очень трогательным и необычайно глубоким. В нем подразумевалось, что это последний контакт отца и сына.

Глава VII

Показатель настоящего воина

Электричка была полупустая, и как только Артур устроился поудобнее, жадно перечитал письмо, которое было бы полезно прочитать многим отцам и детям.

Дорогой Коленька, здравствуй. Я надеюсь, что тебе не придется читать это письмо, и многие вещи, которые в нем содержатся, я расскажу тебе сам. Но, к сожалению, моя интуиция подсказывает другое, и обстоятельства складываются так, что мы можем никогда уже больше и не увидаться. Может, я буду тяжело ранен, потому что нас вызывали в штаб батальона, где перед нами были поставлены очень серьезные задачи, которые подразумевают ожесточенные бои. И так как я – командир спецподразделения, мне придется быть в самом центре событий. Против нас направлены большие группы хорошо подготовленных и отлично вооруженных душманов из Пакистана. Поэтому я пишу тебе это письмо.

Ты мне очень дорог, я очень люблю твою маму и тебя. Вы и мои родители – самые близкие люди на свете. Мне бы очень хотелось вырастить тебя самому, но опасюсь, что этого может не случиться. Я не знаю, одобришь ты мое решение или нет, но когда я был в отпуске, мне позвонил подполковник – преподаватель тактики из нашего училища, который предложил мне работу преподавателя в нашем военном училище. А это было моей мечтой.

Подполковник пообещал мне сначала отсрочку от возвращения в часть и позже – перевод в училище. Но я не хотел лгать и притворяться, что у меня есть некоторые проблемы из-за легкой контузии.

Второй причиной было то, что я не мог просто так уйти и бросить своих ребят, так как быстро найти замену мне там не смогли бы. Вместо меня пришлось бы проводить бои молодому лейтенанту, что, несомненно, привело бы к большим потерям. Я понял, что мой долг быть там, а дальше – как решат Свыше.

Я хотел рассказать тебе, что, когда я был еще ребенком, я начал задумываться о смысле существования и понял, что наша жизнь довольно коротка и все материальные вещи, которые мы копим, могут закончиться или исчезнуть. Позднее, в Афгане, я в этом убедился на практике (жизнь скоротечна, все бrenно, в любой момент мы можем умереть, стать калекой). Все временно. И у меня к тебе большая просьба: мне очень хочется, чтобы ты стал Человеком с большой буквы, состоялся как личность. Ложась спать в конце прожитого дня, пусть тебе не будет стыдно или неловко ни за какие свои поступки, совершенные в течение дня.

В нашей жизни важно иметь высокие моральные принципы и жить, не предавая их. Быть честным, благородным, в том числе с деньгами. Во многом человек проверяется по тому, как он относится к деньгам: если он жаден, завистлив, презрительно относится к тем, у кого меньше денег, готов предать ради денег, то этот подход примитивен и такой человек никогда не будет счастлив. Ты не представляешь, как противно видеть солдат, ворующих чеки (конвертируемые рубли, позволяющие делать покупки иностранных товаров в спецмагазинах бывшего СССР. – Прим. Р. Б.) у тех, кто делит с ними одну казарму и с кем он вместе ходит на боевые задания.

– Совершая какой-нибудь поступок, всегда представляй своего учителя или мать – смог бы ты его совершить в их присутствии. Никогда никого не обманывай, ибо обман порождается страхом. Ничего не бойся: в любой момент мы в этом мире можем что-

то потерять, что-то может случиться, но наше внутреннее состояние – это то, что будет с нами всегда. Лучше жить беднее и проще, чем умирать с нечистой совестью.

Старайся как можно больше читать литературу, которая служит возвышению сознания, его очищению и которая обучает. Не трать времени на «пустую» литературу и уж тем более на ту, которая отупляет.

Когда ты пойдешь в школу, мне бы очень хотелось, чтобы ты хорошо учился, но самое главное – чтобы ты был высокоморальным и нравственным. Физика, математика и иные предметы со временем забываются, как бы хорошо ты их ни учил. Самое главное, чему мы можем научиться, – это порядочности и нравственности, поэтому всегда старайся быть таким. Качества твоего характера – это главное твое богатство. Целная личность не зависит от похвал, от отношения окружающих людей, хотя и умеет слышать объективную критику.

Еще очень тебя прошу – никогда не кури и не пей алкогольных напитков. Я тоже пробовал в юности алкоголь, но поверь, это дрянь, даже пиво, в котором нет ничего полезного, и употребление этих напитков не превращает тебя во взрослого. Знай, что это, скорее, признаки слабого человека: неумение отказаться в компании от рюмки или употребление алкоголя ради того, чтобы показать себя героем или «крутым». Ибо ничто так не разрушает организм, психику, как спиртное, курение и уж тем более наркотики. На самом деле с психологической стороны, наоборот, если подросток, да и взрослый, имеет вредные привычки – это говорит о его слабости.

Многие говорят, что нужно пить, чтобы снять напряжение. Не знаю, верно ли это, ведь напряжение, которое мы испытываем тут, в Афганистане, наверняка одно из самых сильных, которое можно только представить, но я никогда здесь не пил алкоголя, и это дважды спасло мне жизнь. Я не думаю, что выгляжу хуже или напряженней, чем те, кто снимает стресс таким способом... Заметил также, что чем больше употребляет спиртное прапорщик или офицер, тем больше у него проблем с психикой и со здоровьем по возвращении в Союз.

Трое моих бывших одноклассников уже спились, хотя им нет еще и тридцати лет. Шаг к деградации начинается с маленькой рюмки и одной сигареты. Спиртное совершенно не украшает мужчину и уж тем более женщину.

Мне бы очень хотелось, чтобы ты нашел в жизни свое призвание и работал в соответствии со своим предназначением. Я пошел в военное училище, потому что в детстве любил играть в войну, но также и потому, что у меня не было возможности жить в другом городе и учиться – безденежье тому виной, а военное училище обеспечивало воспитанников всем. Я надеюсь, что, когда ты вырастешь, общество изменится и для тебя не будет закрыт доступ к желаемому образованию. И самое главное – ты должен делать то, к чему у тебя лежит душа, что тебе хочется делать больше всего, а не идти туда, где престижнее или можно больше заработать. И очень важно, чтобы твоя деятельность приносила благо миру, окружающим людям («велик тот, кто служит»), в противном случае ты почувствуешь бесцельность жизни. А бесцельная жизнь – это самое страшное.

В жизни необходимо иметь цель. Самая важная цель, к которой мы должны прийти, – это безусловная любовь к Богу – любовь без условий. Наша задача – научиться любить так, как дитя любит свою мать, и мать – свое дитя. Человек жив по-настоящему только тогда, когда он любит. Но ты должен быть достойным любви, не все умеют по-настоящему любить. Помни это. Только большому, чистому сердцу дается большая и чистая любовь. Не забывай это – береги свое сердце от зависти, жадности, агрессии и других тяжелых пороков.

Береги мать и прости меня, если я что-то сделал не так в своей жизни. Но я все-таки надеюсь, что тебе не придется читать эти строки, и я сам все тебе расскажу. Очень люблю тебя и целую. Бог даст – свидимся.

Твой папа, капитан Пархомин

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.